

ШКОЛА МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАУКИ

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВОЗРАСТА В ЗАЩИТИТЕЛЬНЫХ ТЕКСТАХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

Е.С. Козловская

Факультет повышения квалификации
преподавателей русского языка как иностранного
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макля, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена лингвистическому анализу защитительных текстов адвокатов второй половины XIX в., отдельно рассматривается интерпретация возрастной категории подзащитных.

Ключевые слова: анализ речи адвокатов, устная официальная речь, интерпретация.

Задача адвоката — доказать невиновность подзащитного или уменьшить его вину. Адвокат обязан защищать своего доверителя *всеми не запрещенными законом средствами*.

Адвокат оперирует фактами. Однако обращение к фактам, непосредственно относящимся к рассматриваемому делу, не всегда помогает ему выполнить поставленную задачу. Поэтому защитник нередко прибегает к фактам достоверным, но не имеющим прямого отношения к рассматриваемому делу, а значит, не обладающим выраженной юридической силой.

В защитительной речи по делу Веры Засулич, которая в 1878 г. стреляла в петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова, адвокат П.А. Александров обращается к событиям, произошедшим за 10 лет до покушения. *«Возможно ли, чтобы после того как дело было прекращено судебной властью, не нашедшей никакого основания в чем бы то ни было обвинять Засулич, она, едва двадцатилетняя девица, живущая у матери, могла быть выслана, и выслана только что освобожденная, после двухлетнего тюремного заключения?»* [1. С. 245].

Тогда Засулич обвинили в том, что она поддерживала отношения с революционным кружком «Народная расправа». Руководителем кружка был С.Г. Нечаев, совершивший одно из самых громких политических преступлений XIX в. — убийство студента И. Иванова, которое получило широкий общественный резонанс: *«Чудовищное и отвратительное московское убийство Иванова, безо вся-*

кого сомнения, представлено было убийцей Нечаевым своим жертвам “нечаевцам” как дело политическое и полезное для будущего “общего и великого дела”. Иначе понять нельзя, как несколько юношей (кто бы они ни были) могли согласиться на такое мрачное преступление... В возможности считать себя, и даже иногда почти в самом деле быть, немерзавцем, делая явную и бесспорную мерзость,— вот в чем наша современная беда!» [2. С. 132].

По этому обвинению Засулич провела в тюрьме два года. Но доказательств так и не нашли, и Засулич отпустили. А через несколько месяцев арестовали снова и отправили в ссылку: «...*после того как дело было прекращено судебной властью, не нашедшей никакого основания в чем бы то ни было обвинять Засулич... она ... выслана только что освобожденная, после двухлетнего тюремного заключения*».

Таким образом, факты, имеющие прямое отношение к делу десятилетней давности, сводятся к следующему:

- было «*двухлетнее тюремное заключение*»,
- дело «*было прекращено*»,
- не нашли «*никакого основания... обвинять*»,
- отправили в ссылку «*только что освобожденную*».

К этим фактам (имеющим прямое отношение к делу десятилетней давности) адвокат добавляет факты, не обладающие выраженной юридической силой:

- возраст подзащитной («*она, едва двадцатилетняя девица*») и
- то обстоятельство, что она живет у мамы («*живущая у матери*»).

Возможность использовать факты, не обладающие выраженной юридической силой, позволяет адвокату воздействовать на присяжных заседателей не только рационально, но и эмоционально. Так в **моделируемой адвокатом действительности равнозначимыми становятся факты безусловно значимые юридически, и факты, не обладающие выраженной юридической силой.**

Более того, адвокат заботится о том, чтобы эти, не обладающие выраженной юридической силой, факты стали особо заметными для присяжных. Он использует наречие «едва» («*двадцатилетняя девица*» / «*едва двадцатилетняя девица*»), позволяющее не просто сообщить о возрасте Засулич, но оценить этот возраст: двадцать лет — ‘*возраст очень юный*’.

Кроме того, факты, не обладающие выраженной юридической силой, помещаются после личного местоимения: «*она, едва двадцатилетняя девица, живущая у матери*». Такое построение фразы обеспечивает интонационное выделение этих фактов: «*она, едва двадцатилетняя девица, живущая у матери*».

Такое интонационное выделение позволяет сделать перечисленные обстоятельства заметными для присяжных заседателей даже на фоне средств, направленных на усиление юридически значимых фактов: тройного отрицания, повтора и уточнения: «*не найдено никакого основания в чем бы то ни было обвинять Засулич*», «*дело было прекращено*», «*выслана, и выслана только что освобожденная*», «*выслана только что освобожденная, после двухлетнего тюремного заключения*».

Отдельно воздействует на слушателей и общая структура высказывания — риторический вопрос, представляющий собой утверждение, выраженное в эмоциональной форме.

Отметим, что факты, не обладающие выраженной юридической силой, в деле защиты могут становиться не только равнозначимыми фактам, значимым юридически, но и приобретать даже большее значение.

Так происходит в «деле Мироновича», владельца ссудной кассы, которого обвинили в изнасиловании и убийстве Сары Беккер — тринадцатилетней девочки, работавшей у него.

Защищал Мироновича адвокат А.И. Урусов: *«Укажем на факты... в этом факте влечения к субъектам очень молодым, незрелым сказывается особенность не одного только Мироновича, в ней нет ничего невероятного. Не забывайте, что Сара Беккер была подросток, в ней... уже складывалась девушка, да половая зрелость у евреек, как известно, наступает раньше, чем у других»* [1. С. 162].

Защитник в этом процессе также интерпретирует возраст (тринадцать лет), но возраст обвиняемого, которого он защищает, а жертвы:

девочка тринадцати лет: *«субъект очень молодой»,
«субъект... незрелый»,
«подросток»,
«уже складывалась девушка»,
«девушка» с наступившей «половой зрелостью».*

Итогом этой интерпретации становится следующее утверждение: **девочка тринадцати лет** — это *‘девушка с наступившей половой зрелостью’*.

В интерпретации возраста неожиданно значимой в речи адвоката становится и национальность убитого ребенка: *«половая зрелость у евреек, как известно, наступает раньше, чем у других»*. Адвокат не случайно обращает внимание на национальность убитой девочки, ведь в российском обществе того времени, частью которого были присяжные заседатели, существовала неприязнь к еврейской нации, которую «...испытывают обыкновенно люди довольно низкого культурного уровня, которые легко заражаются самыми нелепыми и низкопробными мифами и легендами» [3. С. 339].

Такой подход к моделированию действительности (в данном случае действительности возраста) позволяет защитнику представить «влечение» Мироновича к Сарре Беккер, которое привело к изнасилованию, *«фактом»*, в котором *«нет ничего невероятного»*: *«Сарра постоянным своим присутствием раздражала старческую похотливость Мироновича»* [1. С. 161].

Второй адвокат Мироновича, С.А. Андреевский, выступал с защитительной речью после получения результатов судебно-медицинской экспертизы, которая установила, что изнасилования не было. Андреевский говорит о Сарре, используя совсем иные характеристики возраста: *«...Миронович, как коршун, издавна чертил круги вокруг этого цыпленка — Сарры»*, *«нашли девочку в описанной нами позе»*, *«Сара Беккер невинна»*, *«но тот, кто... за спиной девочки, следил за ней»* (о Семеновой, второй подозреваемой в убийстве Сары Беккер, которая появилась уже после проведения медицинской экспертизы), *«женщина видна в этом обилии ударов по черепу 13-летней девочки»* [1. С. 187—208].

Здесь возраст Сарры Беккер понимается как детский. Девочка тринадцати лет — **‘ребенок’**.

Теперь видно, что возраст в интерпретациях адвокатов оказывается величиной относительной, в зависимости от того, идет ли речь об обвиняемом, которого адвокат защищает, или о жертве преступления.

Так, Вера Засулич, которая стреляла в генерала Трепова, в выступлении адвоката оказывается **«чуть не ребенком»** [1. С. 187—255]. Адвокат подчеркивает молодость и незащищенность Засулич, хотя речь идет о событиях десятилетней давности, однако он ни разу не упоминает ее возраст на момент покушения — **двадцать восемь лет**.

Тринадцатилетняя Сарра Беккер, по подозрению в изнасиловании и убийстве которой обвиняется Миронович, наоборот, становится **‘девушкой с наступившей половой зрелостью’**. Такая интерпретация возраста позволяет адвокату представить «влечение» Мироновича к Сарре обыденностью. Но как только факт изнасилования опровергается экспертизой, Сарра становится **«девочкой»** тринадцати лет.

Таким образом, в той действительности, которая моделируется в адвокатской речи, факты, безусловно значимые юридически, и факты, не обладающие выраженной юридической силой, могут становиться равнозначимыми. И более того, факты, не обладающие выраженной юридической силой, могут приобрести даже большую значимость, чем факты безусловно значимые юридически.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Судебные речи известных русских юристов: сборник. — М.: Издательство Юрайт, 2011.
- [2] *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в тридцати томах: публицистика и письма. Том двадцать первый: Дневник писателя за 1873. Статьи и заметки 1873—1878. — Ленинград: Наука, 1980. — С. 132.
- [3] *Бердяев Н.А.* Христианство и антисемитизм // Тайна Израиля. — СПб.: София, 1993. — С. 325—343.

FEATURES OF AGE INTERPRETATION IN THE DEFENSIVE TEXT OF THE SECOND HALF OF XIX CENTURY

E.S. Kozlovskaya

Faculty of re-training of Russian language teachers
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

Article focuses on the linguistic analysis of lawyers defensive texts of the second half of XIX century, separately is considered age interpretation of defendants.

Key words: analysis of speech advocates, the official spoken language, interpretation.